

ХЕТТСКИЕ НАРОДЫ И ЯЗЫКИ

Проф. Б. Грозный
(Прага)

Хеттология—наука молодая. Всего лишь два десятка лет прошло от расшифровки клинописного хеттского языка до новейшего открытия в этой области—расшифровки хеттских иероглифических надписей. 24 ноября 1915 г. я прочел берлинским профессорам первую лекцию о своей расшифровке клинописно-хеттского языка, и в тот же день Немецкое Восточное общество издало эту лекцию в печати в расширенном виде. Правда, мои открытия столкнулись с сильным сопротивлением специалистов—или, по крайней мере, тех, которые себя считали специалистами. Только мюнхенский ориенталист проф. Гоммель опубликовал через два дня после моей лекции очень благоприятный отзыв о ней в «Münch. Neueste Nachr.», где назвал день моей лекции—историческим днем для индоевропейской филологии и археологии, а лекцию—эпохальной. Но о судьбе своих открытий я буду говорить позднее.

Расшифровка хеттских надписей—клинописных, а потом и иероглифических—произвела полный переворот в наших взглядах на древнейшую историю человечества. Я считаю, что мы можем говорить о перевороте в древнейшей истории, если сегодня ясно видим, что не только сумеры, вавилоняне, ассирийцы и египтяне,—но и индоевропейские народы уже 4000 лет тому назад играли очень важную роль в истории древнего Востока.

Благодаря расшифровке хеттских надписей нам удалось определить на древнем Востоке шесть народов, до тех пор неизвестных, из которых четыре—индоевропейского происхождения, то есть родственны народам, живущим в настоящее время в Европе и в Индии. Таким образом, возникла совершенно новая наука, называемая хеттологией, наука, считающаяся сегодня равноправной с ассириологией и египтологией, но возбуждающая, благодаря индоевропейскому происхождению большинства новооткрытых народов, в Европе более значительный интерес, чем обе вышеупомянутые науки, посвященные чуждым нам по происхождению народам. Общая кровь и общий язык связывают нас с этими новооткрытыми народами, которые еще 4000 лет тому назад оказывали сильнейшее влияние на историю древней Азии и которые употребляли такие слова, как *куис*, что означает «кто» и напоминает латинское *quis*—«кто»; затем *небис*, что значит «небо» и похоже на русское «небеса»; *далугасти*, что значит «длина» и напоминает русское «долгий», «долгота».

До самого недавнего времени наши сведения об истории древнего Востока ограничивались тем, что мы могли о ней узнать—кроме библии—из ассириовавилонских клинописных и египетских иероглифических надписей, расшифрованных и изученных в течение XIX столетия.

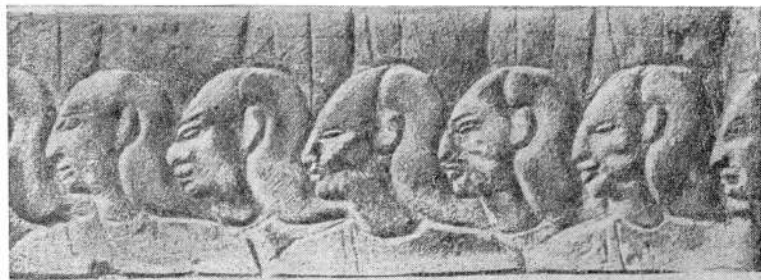

Рис. 1. Хеттские пехотинцы в битве при Кадеше

Благодаря им было до мельчайших подробностей установлено участие древних шумеров, вавилонян, ассирийцев и египтян в самой древней мировой культуре, культуре, захватывающей период от IV до I тысячелетия до н. э.

Но зато мы очень мало знали до сих пор о народах и судьбах древней Малой Азии и Сирии. В корне изменить это положение было суждено нашему XX столетию, а именно, благодаря расшифровке хеттских клинописных и иероглифических надписей. В то время как ассириология и египтология должны сегодня довольствоваться лишь мелкой дорисовкой деталей в общей уже готовой и неизменной картине шумеро-вавилонской и египетской культуры,—хеттология, возникшая в начале XX столетия, открывает в Малой Азии и в Северной Сирии целый ряд нам до тех пор еще неизвестных государств, народов и языков, подробным изучением которых наука будет занята еще несколько десятилетий.

Правда, хеттский народ или «сыны Хета» были нам отчасти известны уже из Ветхого завета. В X главе книги Исхода говорится, что Хет был сыном Ханаана, а в XXIII главе—что его сыновья жили в Хевроне, где Авраам вел с ними переговоры о могиле для своей жены Сарры. По сведениям Ветхого завета, хетты селились, главным образом, в Сирии, хотя они в то же вре-

Рис. 2. Надгробная стела из Мараша

мя—вместе с аморитянами и хиввитянами — составляли значительную часть населения Ханаана.

Эти сведения Ветхого завета были несколько расширены древнеегипетскими источниками, которые во время восемнадцатой—двадцатой династий — приблизительно 1500—1200 лет до н. э.—сообщают о постоянных сношениях и частых столкновениях Египта с могущественным северным государством Хета, стремящимся достигнуть политического влияния на Сирию. Около 1288 г. до н. э. между войсками обоих государств произошла большая битва у Кадеша на Оронте.

Вскоре после этого, в 1272 г., фараон Рамзес II заключил договор с хеттским королем Хаттушилем III и впоследствии взял его дочь себе в жены. Но еще несколько десятилетий спустя, около 1200 г. до н. э., Хеттское государство было покорено так называемыми северными народами.

Из клинописных записей нам также известно могучее государство Хатти и его народ, причинявшие Ассирии и Вавилону во II и в I тысячелетии до н. э. много забот. Так, одна вавилонская хроника сообщает, что народ Хатти около 1800 г. напал на Аккад-Вавилонию, что, вероятно, привело к падению династии Хаммураби.

После гибели Хеттского государства в 1200 г. название Хатти обозначает в частности царство Кархемиш на Верхнем Евфрате, но относится также и ко всей Сирии. Лишь Саргон II в 717 г. окончательно уничтожает Хеттское государство Кархемиш.

Но в общем весь этот материал был весьма незначителен; прежде всего он был недостаточен, чтобы сообщить что-нибудь о происхождении и языке народа Хатти. Когда, наконец, в течение XIX столетия удалось найти в Сирии и Малой Азии особые произведения искусства, которые нельзя было считать ни вавилоно-ассирийскими, ни египетскими и которые часто сопровождались неизвестными до того времени иероглифами,—тогда авторами этих произведений стали в большинстве случаев считать хеттов. Это предположение было тем более обоснованным, что изображенные лица часто принадлежали к совершенно другому антропологическому типу, отличающемуся прежде всего большим кривым носом и косым лбом. Сюда относятся, например, памятник из Мараша и рельефы из Кархемиша, далее сюда относятся рельефы из Сенджирли в Северной Сирии и стелы хеттского божества бури из Вавилона и Сенджирли. Но и в Ма-

Рис. 3. Тешуб—стела из Сенджирли

Рис. 3а. Тешуб—стела из Вавилона

лой Азии были также найдены многочисленные подобные скульптуры, которые также были немедленно отнесены к хеттам. Такова скульптура

из городских ворот хеттской столицы Богазкеой, затем скульптура Giau Kalesu в скале. Так называемый хеттский профиль мы встречаем на Востоке и до сегодняшнего дня. Исходя из этого антропологического типа, сделали вывод, что хетты не могут быть ни семитами, ни индоевропейцами. Как я уже сказал, при этих скульптурах часто находятся так называемые хеттские иероглифы. Хеттские иероглифы принадлежат к разряду пикто-

Рис. 4. Статуя божества на внутренней стороне городских ворот Богазкеой

графического письма, но первоначальное значение очень многих знаков нам неясно. Хеттские иероглифические надписи писаны *bustrophedon*; это значит, что строки пишутся попеременно справа налево и слева направо, причем фигуры и головы всегда направлены к началу строки. Эти письмены были еще совсем недавно почти непонятны, прежде всего по той причине, что не были найдены подходящие двуязычные надписи. Те, которые пока известны, написаны иероглифами и клинописью, но так незначительны (как, например, серебряная печать Таркумувы) и к тому же обычно так неясны, что помощи от них, собственно говоря, очень мало.

Таким образом, до начала XX в. о хеттском народе было известно очень мало. Прежде всего предполагали, что хетты были только *один народ*. Лишь в нашем XX столетии удалось открыть большой архив хеттских царей в Богазкеое в Малой Азии, содержащий на глиняных табличках в высшей степени ценные записи на хеттском языке, писанные кли-

нописью. Тогда удалось эти надписи расшифровать и понять содержание этих документов. Но когда они были прочитаны и переведены, оказалось, что они принесли много неожиданного. По этим надписям мы знакомимся не с о д н и м хеттским народом, как мы ожидали, а с целым рядом народов—по меньшей мере, с пятью,—которые нам до сих пор были совсем или почти совсем неизвестны. Еще более неожиданным было открытие, что некоторые из них являются совершенно неизвестными прежде индоевропейскими народами, которые мы можем считать самыми старыми народами этой семьи языков. К ним принадлежит и главный хеттский народ, который был основателем могущественного Хеттского государства и который—что также было большой неожиданностью—первоначально

Рис. 5. Охота на оленя. Малатия

назывался совсем иначе, а именно, как мне удалось установить,—неситы. Наконец, в последние годы—опять-таки совершенно неожиданно—удалось расшифровать так называемые хеттские иероглифы, которые нас познакомили еще с одним хеттским народом, также индоевропейского происхождения.

Но вернемся к открытиям в Богазкеое. Берлинскому ассириологу Гуго Винклеру удалось при его эпохальных раскопках, произведенных между 1906 и 1912 гг. у развалин Богазкеоя (восточнее Анкары), найти большое количество глиняных табличек, исписанных хеттской клинописью. Найдено было около 13 тысяч обломков и целых табличек, не оставляющих сомнений, что они принадлежали к архиву королей Хатти и что Богазкеой являлся столицей Хеттского государства, пока этот город (около 1200 г. до н. э.) не был уничтожен и сожжен так называемыми северными народами. На этом месте Немецкое восточное общество производило раскопки и в последние годы, причем были найдены еще 3 300 обломков и целых табличек.

Только сравнительно небольшая часть найденных табличек была исписана вавилонской клинописью на вавилонском языке. Большинство

их было покрыто также вавилонской клинописью, но на хеттском языке. Более подробное исследование этих документов, написанных на хеттском языке, показало, что хеттский язык тождествен языку Арзава, т. е. Западной Киликии и Исаврии, уже известному по двум письмам из клинописного архива в Тель-эль-Амарна в Египте.

Издание хеттских табличек из Богазкеоя было поручено нескольким ассириологам, в числе которых находился и я. В апреле 1914 г. я поехал в Константинополь, чтобы там в музее скопировать и расшифровать эти таблички. Когда я в сентябре того же года был вынужден из-за вспыхнувшей войны вернуться в Вену, где я был приват-доцентом, я уже успел скопировать столько табличек, что и там мог заняться их расшифровкой. Результатом этих исследований была моя работа «Язык хеттов», которая была в 1916—1917 гг. издана в Лейпциге. В этой работе мне удалось—как это в настоящее время признано всеми специалистами—разрешить загадку хеттского языка, составить его первую грамматику и, неожиданно для всех, констатировать индоевропейский характер его строения. Даже я сам не ожидал такого результата. При своей поездке в Константинополь я взял с собою целый ряд книг по лингвистике, но индоевропейские языки были между ними представлены слабее всего. Я имел только маленькую книжку Мерингера о индоевропейских языках, в издании Гешена. Почти одновременно со мной ассириолог Вейднер издал работу, в которой говорит, что хеттский язык принадлежит к языкам кавказским.

При своей расшифровке я должен был исходить из одноязычных хеттских клинописных текстов из Богазкеоя, которые должны были быть объяснены самостоятельно, сами по себе. Большую помощь при этом оказали фразы, содержащие имена собственные, а также те, в которых находились сумеро-вавилонские идеограммы, т. е. клинописные знаки, обозначающие целые слова или определенные предметы, как, например, знаки «страна», «город», «отец», «сын» и т. д. Исходя из таких идеограмм, я пытался установить смысл целых фраз. При этом было необходимо сравнивать отдельные хеттские фразы между собою и искать смысл отдельных хеттских форм и слов, или, другими словами, применить так называемый комбинационный метод. Способ моей работы лучше всего виден по следующему предложению, одному из первых, смысл которых мне удалось установить, и в котором я распознал три хеттских слова индоевропейского происхождения. Это клинописное предложение я читал фонетически:

nu -an ezateni vâdar-ma ekuteni.

Когда я впервые натолкнулся на это хеттское предложение, я знал в нем только значение идеограммы, которая часто, если и не всегда, означает «хлеб». По другим местам можно было судить, что окончание *-an* означает винительный падеж единственного числа. Несмотря на наличие и других возможностей, было легко предположить, что в предложении, говорящем о хлебе, можно ожидать также глагол «кушать». Поэтому я—

Рис. 6. Серебряная печать

сначала, конечно, чисто гипотетически—предположил, что слово *эзатэни* означает понятие еды. Вскоре я заметил, что хеттский корень *эза* также во многих других местах значит «кушать» и что вместе с этим встречается и корень *ад* с тем же самым значением, например в форме *аданзи*, «они едят», который, вероятно, тождествен с *эза*. Тогда я сравнил—опять-таки только гипотетически—эти хеттские корни *ад-*, *эз-*, «кушать» с латинским *edo*, немецким *essen* и т. д. По другим местам я видел, что *тэни*—окончание второго лица множественного числа настоящего и будущего времени, так что первое предложение я мог перевести: «Хлеб будете есть». Следующее предложение казалось параллельным с первым: *vādar*—имя существительное, *та*—предлог, *ekuteni*—глагольная форма с окончанием *-тэни*. Так как слово *вадар* было параллельно слову «хлеб», то нетрудно было предположить в нем название какого-нибудь простого кушанья. Здесь можно было легко допустить значение «вода», да и все остальные данные говорили в пользу этого слова. В то же время мне вспомнилось английское слово *water*—«вода», англо-саксонское *watar* и т. д. Если я здесь, таким образом, имел слово «вода», то в следующем глаголе *жутэни*, который был параллелен глаголу *затэни*—«вы будете кушать», я должен был видеть выражение «вы будете пить». Затем я нашел, что наряду с корнем *эку*—«пить» встречается также близкий ему корень *аку*—«пить», например в слове *акуванна*—«пить». Сравнение слова *акуванна*, «пить», с латинским *aqua*—«вода» получалось само собой. Поэтому я перевел все предложение следующим образом: «Хлеб будете есть и воду будете пить».

Но хеттское слово *vādar*—«вода» принесло еще следующую неожиданность. Я вскоре заметил, что, несмотря на то, что именительный и винительный падежи этого слова—*vādar*, родительный падеж имеет форму не *vadaras*, а *vedenas*, то есть с *п*, а не с *г*, дательный-местный *vedeni*, отложительный *vedenar* и инструментальный—*vedenit*. Таким образом, это—совершенно особенное склонение, в котором суффикс *г* чередуется с суффиксом *п*. Но и упомянутое индоевропейское слово со значением «вода» склоняется по тому же особенному склонению, как, например, прежде всего видно из греческого *ὕδωρ*, родительный падеж *ὕδατος* из *ὕδωτος* (сравните также с латинским *femur*—*feminis*). Лучшего согласия с индоевропейскими языками и желать нельзя. О возможности того, что хеттский язык принадлежит к индоевропейским языкам, я впервые начал думать тогда, когда нашел хеттские причастия с суффиксом *пт-*, как *humanza* родительный падеж *humandas*, что можно было сравнить с латинским *ferens*—*ferentis*. Также склонение и спряжение оказались почти тождественными с индоевропейским склонением и спряжением. Особенно большое значение имело для меня то, что мне удалось найти целый ряд хеттских местоимений, которые были явно индоевропейского происхождения. Так, например, «я» на хеттском языке будет *uga*, что сравнимо с латинским *ego*; «мне, меня» будет *amtuğa*, что сравнимо с греческим *ἐμέγε*; «ты» по-хеттски *ziga* (ср. с греческим *σέγε*—«тебя»); «мой»—по-хеттски *mis*, ср. с латинским *meus*; «твой»—*tis*, ср. с латинским *tuus*; «кто»—*kuis*, ср. с латинским *quis*; «что»—*kuit*, ср. с латинским *quid*; «кто-нибудь»—*kuis-kuis*, ср. с латинским *quisquis* и т. д. Из хеттских глаголов приведу здесь только глагол *esmi*—«я есмь», тождественный с индоевропейским *esmi*; затем хеттское *spandi*—«жертвует», ср. с греческим *σπένδει*; хеттское *kittari*—«его кладут», ср. с греческим *κείται*—«он лежит». В этом глаголе, как и в многих других, я констатировал, что хеттский язык имеет

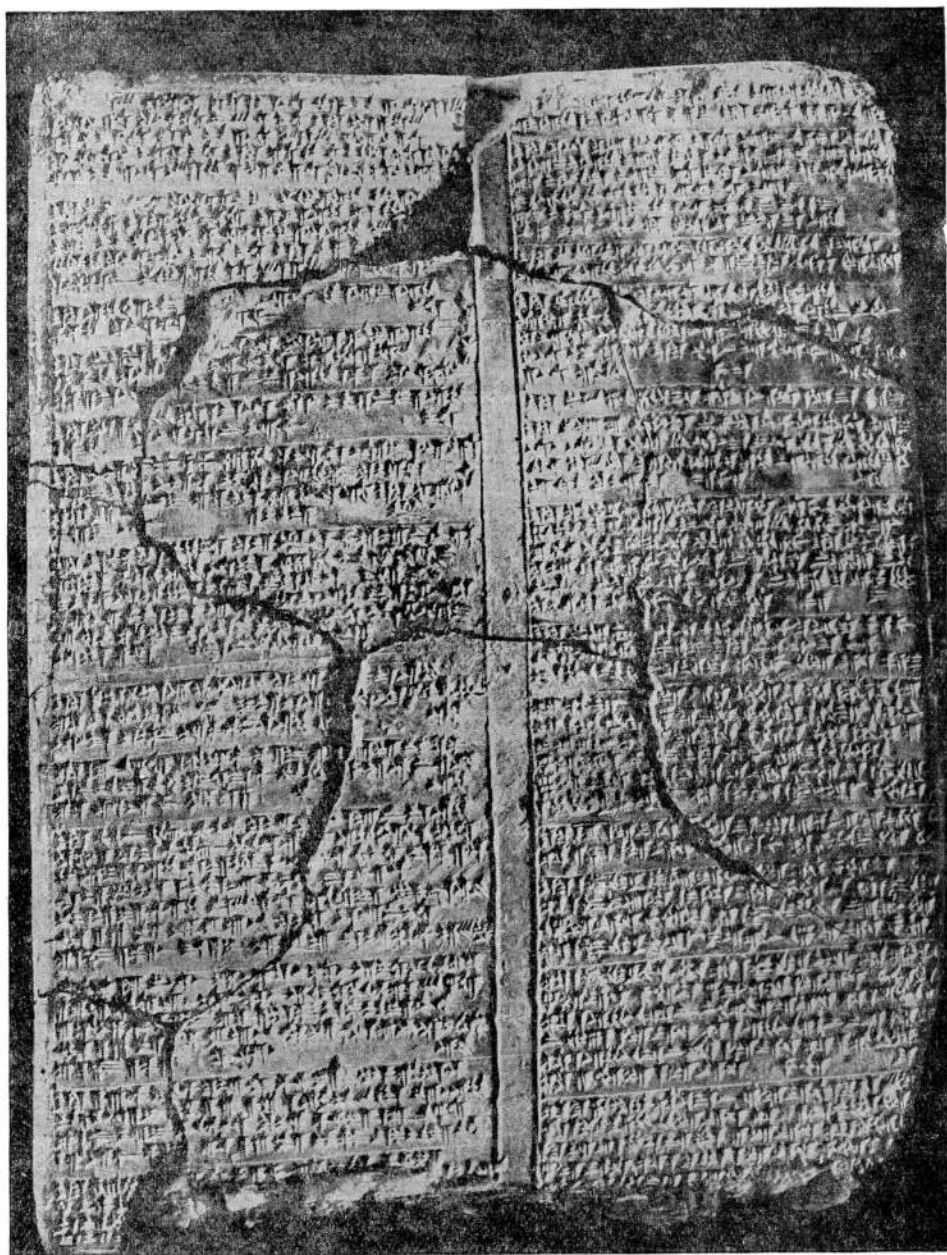

Рис. 7. Хеттский кодекс

также *mediopassivum* со знакомым окончанием *r*: третье лицо единственного числа *kittari*, множественное число *kijantari*, ср. с латинским *amatur*, *amantur* и т. д.

При таком соответствии не оставалось сомнений, что хеттский язык принадлежит к числу индоевропейских языков. При этом хеттский принадлежит, как нам показывают его гортанные гласные, к так называемым *Centum Sprachen*, т. е. к западным индоевропейским языкам, к латинскому, греческому, кельтскому, германскому и тохарскому. Хеттские *mediopassiva*, как *kittari*, указывают на определенную тесную связь хеттского языка с итало-кельтскими языками и с тохарским языком. Впрочем, уже ассириолог Кнудзон подозревал родство языка *arza wa*, тождественного с хеттским, с индоевропейскими языками. Но его мнение встретило у индогерманистов такое сильное сопротивление, что Кнудзон от него впоследствии отказался.

Самые древние хеттские надписи относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. Хеттский язык, следовательно, имеет полное право претендовать на почетный титул самого старого индоевропейского языка. Поэтому в нем можно было бы ожидать встретить очень старые, архаические черты, и они в нем действительно встречаются, как, например, в склонении слова *vādar*. Но при этом удивительно то обстоятельство, что в этом языке встречается также далеко идущее упрощение, которое создает странный контраст с его глубоким возрастом. Хеттские слова часто производят впечатление чужих, чего, впрочем, нельзя переоценивать, так как дальнейшие исследования могут найти хорошие индоевропейские этимологии еще неясных сегодня хеттских слов. Все эти странности лучше всего объяснить предположением, что хеттский язык очень рано отделился от других индоевропейских языков и очень рано попал под влияние чужих языков.

Именно эти странности заставили филологов очень сдержанно, даже отрицательно отнестись к моей расшифровке хеттского языка и к моей теории его индоевропейского характера. В доказательство неправильности моих выводов также приводился неиндоевропейский антропологический тип хеттов. По каким ничтожным причинам часто отвергались мои взгляды, показывает следующий факт—не анекдот: один очень известный индогерманист, который прочел в рукописи мое предварительное сообщение о расшифровке, резко отказался интересоваться дальше этим делом, когда при чтении рукописи дошел до того места, где я установил, что хеттское *vādar* значит «вода». Он заявил, что в этом хеттском слове первое *a*—долгое, что в индоевропейском совершенно невозможно. Следовательно, и вся теория Грозного не стоит того, чтобы ею занимались. Нужно согласиться с тем, что хеттский язык вел себя очень скверно. Он нарушал многие правила сравнительной индоевропейской грамматики. Но позже, когда нашлись специалисты-индоевропейцы, которые с целью изучения хеттского языка изучили клинопись, начало постепенно пользоваться успехом мнение, что мое чтение, моя расшифровка, моя хеттская грамматика и моя индоевропейская теория—правильны. Первый индоевропейский филолог, который еще в 1919 г. согласился с моей теорией, был норвежский ученый Марстрандер. В настоящее время моя теория, как я уже сказал, принята всеми специалистами.

Но царский хеттский архив в Богазкеое принес нам еще одну неожиданность. В конце 1919 г. я—одновременно с Форрером—сделал открытие, что в клинописных надписях из Богазкеоя сохранились остатки еще одного

прежде неизвестного языка, который совершенно отличен от индоевропейского языка и там носит название Хаттили, т. е. «Язык города Хатти», или просто хаттский, или хеттский. В религиозных текстах, которые написаны на индоевропейском хеттском языке, встречаются также литании, молитвы и заклинания, которые написаны на языке Хаттили, т. е. на хаттском. Песнопения во время богослужений очень часто пелись певцами на хаттском языке. Это показывает, что население страны Хатти не было

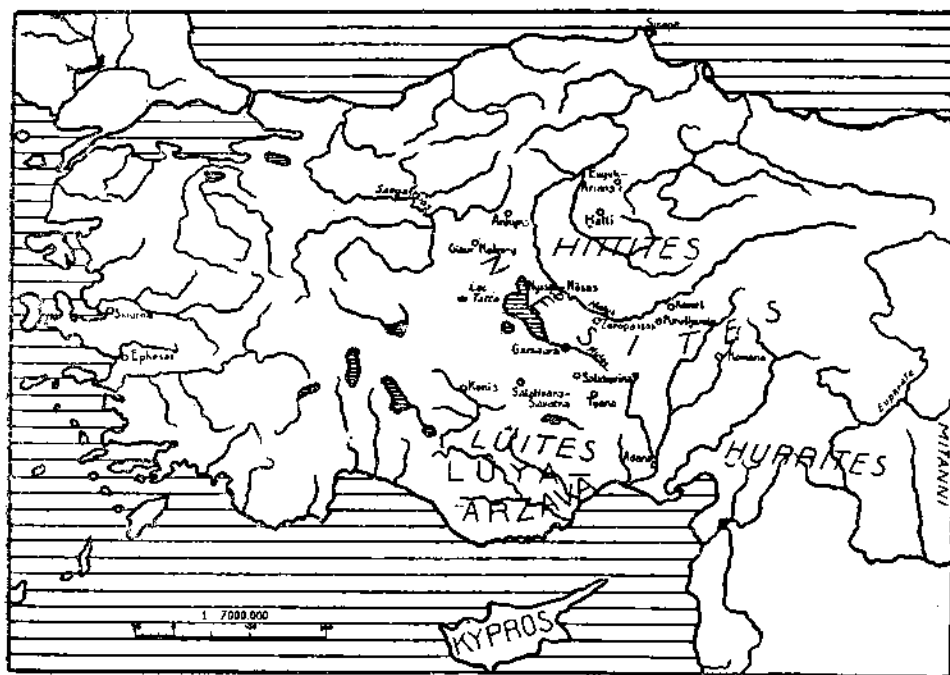

Рис. 8. Карта Малой Азии после нашествия индоевропейцев (XX в. до н. э.)

однородно, а смешанно, причем важная роль, которую хаттский язык играл при хеттских богослужениях, говорит в пользу того, что старшим был язык хаттский.

Когда индоевропейские хетты, около 2000 лет до н. э., проникли в Малую Азию—с севера, вероятно из Южной России, Украины—они, очевидно, нашли там старое население, носившее название своей столицы Хатти. Это население они, правда, покорили, но его кровь и частично и язык позже оказали на них определенное влияние. Так называемый «хеттский», или «арменоидный», с большим носом тип, вероятно, относится именно к этому коренному населению Малой Азии. Теперь, впрочем, уже известно, что и так называемый «еврейский», или «семитский», тип сегодняшних евреев также происходит от этой древней переднеазиатской расы. Его название «семитский» поэтому неправильно.

Хаттский, или протохаттский, язык мы знаем недостаточно хорошо, так как он представлен лишь немногими текстами. Нам известно о нем прежде всего то, что он при образовании различных форм в большей степени пользуется префиксами, чем суффиксами, как это установил Форрер. Так, например, множественное число от слова *bīnu* «ребенок» будет *le-bīnu*

«дети». Кажется возможным, что этот язык находится в связи с северо-восточно-кавказскими языками, в которых также часто употребляются префиксы. От хаттов хетты переняли в свой язык много слов.

Перед нами теперь странный факт, что хетты сами называли этот неиндоевропейский язык коренного населения их страны хаттским, т. е. языком столицы Хатти. Настоящим хеттским языком является, следовательно, хаттский. Как же тогда в действительности назывался язык индоевропейских хеттов, настоящих основателей великого Хеттского государства? Я полагаю, что мне в последние годы удалось установить настоящее название индоевропейского хеттского языка.

В одном хеттском тексте индоевропейский хеттский язык обозначается выражением *nāsili*. По аналогии с выражением *hattili*, происходящим от названия города *Hatti*, следует предположить, что *nāsili* производится от названия города *Nās*. Но такое название города или страны в хеттских текстах не встречается, поэтому это выражение осталось необъясненным. Я сам сначала считал *nāsili* местоимением притяжательным первого лица множественного числа, со значением «наш», т. е. «наш язык», причем я думал о латинском *nos*, русском и чешском *нас*. Форрер, напротив, хотел произвести *nāsili* от названия хеттского города Канеш, что филологически совершенно невозможно. Впоследствии я нашел правильное значение этого слова в совсем другом направлении.

Сохранилась очень древняя и очень ценная хеттская надпись одного из самых древних хеттских царей, которые в то время царили в городе *Kussara*, а не в городе *Chatti* или *Chatusas*. Это—царь *Anittas*, который царствовал около 1930 г. до н. э. Царь *Anittas* сообщает в своей надписи, которую я перевел, что уже его отец *Pithanas* овладел городом *Nēsas*, который я склонен отождествить с позднейшим *Nyssa*, сегодняшним *Muraddli Ojūk*, к югу от Галиса, которым владел другой царь. В то время Малая Азия делилась на несколько независимых друг от друга городов-царств: такие независимые царства тогда были в городах *Kussara*, *Nēsas*, *Hatti*, *Zalpa*. Это было время непосредственно после нашествия индоевропейских хеттов на Малую Азию, когда отдельные индоевропейские вожди боролись между собою за гегемонию над этой страной. Царь *Anittas* сделал завоеванный *Nēsas* своей столицей, овладел всеми землями между Черным и Средиземным морями и провозгласил себя великим царем. Таким образом, он основал первое великое царство, в котором господствовали индоевропейские хетты. После этого он блестящими постройками расширил город *Nēsas*. Лишь позже, к концу XIX столетия до н. э., цари городов *Kussara* и *Nēsas* перевели свою столицу в город *Hatti*, или *Hattusas*, где она осталась до падения Хеттского царства. При таких обстоятельствах я считаю очень возможным, что коренное население страны называло индоевропейских хеттов по их самой старой общей столице *Nēsas*—неситами, а их язык—неситским или наситским. По-моему, выражению *nāsili* производится от названия города *Nēsas*; переход *e* в *a* в хеттском встречается часто. Я нашел, впрочем, и другие доказательства правильности своего предположения, что индоевропейские хетты, в сущности говоря, должны были бы называться неситами. В так называемом втором письме из Арзавы, которое написано на хеттском языке и адресовано египетскому двору, хеттский автор письма пишет находящемуся в Египте адресату, чтобы он ему ответил *nesumnili*, т. е. на неситском языке, на языке города *Nēsas*, а не по-египетски. *Nesumnili*—это параллельное выражение для *nāsili*.

Но наряду с языками *ḫattili*—«хаттским» и *nāsili, nesumnili*—«неситским», хеттские тексты называют еще язык *lūili*, т. е. «луйский». Название *lūili* производится от названия страны *Lūja*, которая называлась также *Arzawa* и которую мы, по моему мнению, должны предполагать в Западной Киликии и в Исаврии. Но луйский найден не только в стране *Lūja*, но также в столице Хатти и в государстве *Kizwatna*, которое мы прежде обыкновенно предполагали в позднейшем Понте, на берегу Черного моря, но теперь, по примеру Гёца, ищем у залива Иссос на юго-востоке Малой Азии. В общем, на луйском языке говорили, главным образом, в Киликии и в граничащих с нсю областях, т. е. к югу от страны Хатти.

На луйском языке до сих пор найдено несколько заклинаний, которые цитированы в хеттских текстах. Целых текстов на луйском языке, поскольку мне известно, не существует. Форрер считал луйский язык сначала финно-угорским языком, но потом согласился с моим мнением, что луйский—в основном язык индоевропейский. Также и это мое мнение в настоящее время принято всей наукой. Определить характер луйского языка, несмотря на незначительное количество имеющегося материала, мне удалось, главным образом, с помощью одного луйского места, хеттский-неситский перевод которого я нашел в той же надписи. Из этих мест следует, что хеттское предложение *kuēš veššanta*, т. е. *те, которые одеваются*, что сравнимо с латинским *quis* и *vestio*, по-луйски—*kuinzi vašanteri*. Одним этим коротким предложением в луйском языке доказано индоевропейское относительное местоимение *quis*—«кто» и глагольный корень *ves*,—«одеваться». Кроме того, мы из этого предложения узнаем, что в луйском множественное число имело окончание *-nzi* и что в луйском языке встречались медиопассивные формы на *-ntari*, которые похожи на такие формы, как латинское *amantur*. Это не оставляет сомнений, что луйский язык—язык индоевропейский, родственный индоевропейскому хеттскому языку. Впрочем, все остальные известные мне луйские места в значительно меньшей степени могут быть истолкованы в пользу индоевропейского происхождения его. Повидимому, луйский намного сильнее смешался с местными языками Малой Азии, чем индоевропейский хеттский. Луиты, вероятно, проникли из Южной России в Малую Азию на несколько столетий раньше, чем неситы, может быть, уже около 2500 лет до н. э., так что они значительно сильнее подчинились влиянию неиндоевропейских языков Малой Азии, чем неситы. Оба этих индоевропейских народа пришли в Малую Азию, несомненно, из стран, лежащих к северу от Черного моря и от Кавказа. На луйском языке в Хеттском государстве говорили прежде всего крестьяне—поскольку они, конечно, не говорили на хаттском языке. Луйский язык у хеттов считался языком варварским.

Но хаттским, луйским и неситским языками языково-историческое содержание хеттского государственного архива в Богазкеое далеко еще не исчерпано. Он знакомит нас еще с двумя важными языками, центр которых находится, впрочем, скорее в Месопотамии, чем в Малой Азии. Это в первую очередь—хурриты, или, как их еще недавно называли, харрийцы. Это название читалось *ḫarri* и обычно полагали, что это имя тождественно с именем арийцев, агуа, и что харрийцы, следовательно, являются арийским народом. При этом обыкновенно опирались на то, что в государственных договорах, заключенных хеттами со страной *Mitanni* и господствовавшими там харрийцами, встречаются также арийские божества *Mitra*, *Varuna*, *Indra*, *Nāsatya*. Но я доказал, что название этого народа должно читаться *churri*, а не *charri*: я нашел два места, где это имя напи-

сано не единым знаком, имеющим два значения *ḥaḡ* и *ḥuḡ*, а знаками *ḥu* и *uḡ*. Поэтому невозможно приравнить это имя к имени арийцев. Чрезвычайно важно еще то обстоятельство, что в надписях из Богазкеоя найдены также образцы другого языка, который называется *ḥurlili*, т. е. хуррийским. Слово *ḥurlili* относится к имени народа и страны *Ḥurri*, которое в хеттском языке имеет форму *ḥurlas*. Из хуррийских образцов следует, что хуррийский не является ни арийским, ни индоевропейским языком. Как я установил еще двадцать лет тому назад, хуррийский язык почти—если не совсем—тождествен с неарийским языком страны Митанни, знакомым нам из длинного письма митаннийского царя Тушратта, которое было найдено в Тель-эль-Амарне в Египте. Очень важной особенностью хуррийского языка является то, что родительный падеж, зависящий от имени существительного, получает и окончание этого существительного, стоящего перед ним. Так, например, слова: «Боги города *Šamūḥa*» на хуррийском языке будут: *Hāni-na Šamūḥa-hi-na*; окончание множественного числа в первом слове «боги» *-na* здесь приставлено и к следующему родительному падежу единственного числа *Šamūḥa*. Подобное нам знакомо и из некоторых кавказских языков. Поэтому очень возможно, что хуррийский язык находится в хотя бы отдаленном родстве с этими кавказскими языками. Важно затем, что можно констатировать некоторое сходство хуррийского языка с так называемым урартийским, или халдским, языком, на котором говорило доиндоевропейское население древней Армении. Напротив, хуррийский язык совершенно отличен от хаттского.

Хурриты населяли, главным образом, страны Хурри и Митанни, которые, по-моему, следует искать в Северной Месопотамии. Страна Митанни лежала в области рек Хабур и Дияла; Селевкиды впоследствии переименовали ее в Мигдолию. Страна Хурри получила свое название, вероятно, от города Хурра, о котором впервые говорит ассирийский царь Ададнирари наряду с городами страны Митанни. Этот город Хурра я считаю нынешним Урфа в Северной Месопотамии, по-гречески *Orrhoi* и по-сирийски *Urḥōi*. По этому имени была названа и вся окружающая местность *Orrhōēne*, и еще Плиний сообщает нам о *Arabes orrhoei*, которые жили там. Из первоначального Хурри, или Хурра, по-хуррийски также *ḥurriḥe*, очень легко может возникнуть позднейшее *Orrohe*, *Urḥōi*, *Urfa*. Не исключено, что название *ḥurri* в сущности означает «пещеры» и что оно связано с многочисленными пещерами в окрестностях города Урфы.

Город Хурри/а, нынешний Урфа, был, по-моему, столицей хурритов. По этой столице называлась и вся Северо-западная Месопотамия—Хурри. Но и в Сирии жили хурриты, и временами хурриты владели не только Сирией, но и смежными странами. В первой половине II тысячелетия до н. э. Хурри было могущественным государством, которое сделало много завоеваний и которое ассиро-вавилоняне называли также *Ḥanigalbat*. Сирия в хеттских надписях часто называется прямо Хурри, и это же название мы должны видеть и в египетском имени *Ḥḡ* (неправильно Хару), которым, начиная с XVI в. до н. э., обозначалась Палестина и Сирия. Если Палестина и Сирия от времен гиксосов назывались египтянами *Ḥḡ*, то очень возможно, что и нашествие гиксосов на Египет, в конце концов, сводится к хурритам и их семитским вассалам. То обстоятельство, что хурриты владели Палестиной и Сирией, оставило свои следы—ветхозаветный народ хоритов, который мы должны считать последними остатками хурритов, несмотря на то, что они были сильно семитизированы. В антропологическом смысле хурриты, несомненно, принадлежат к упомянутому

выше переднеазиатскому типу с крупным носом и косым лбом. Своими завоеваниями хурриты в первой половине II тысячелетия до н. э. проникают также в хеттские области и занимают, вероятно, также части Хеттского государства. Этим объясняются хуррийские ритуалы в городах Малой Азии и употребление хуррийского языка в государственном архиве хеттских царей. В хеттских ритуалах встречаются также хуррийские литании, молитвы и заклинания, и при хеттских богослужениях нередко поют и хуррийские певцы. На хуррийском языке существовала, вероятно, довольно значительная литература, как доказывают, например, найденные в Богазкеое обрывки эпоса о Гильгамеше на этом языке.

Хуррийский язык иногда называется специалистами митаннийским на том основании, что на этом языке написано одно письмо Тушратты, царя Митанни. Но это заключение, по-моему, неправильно. Я нахожу, что название Митанни относится к совсем другому языку и совсем другому народу—пятому народу, который был открыт при помощи надписей из Богазкеоя. Как страна Хатти, так и страны Хурри и Митанни, образующие вместе государство Ханигалбат, не были однородны ни по населению, ни по языку. В политическом отношении связь обеих стран заключалась приблизительно в том, что в первой половине II тысячелетия до н. э. государство Ханигалбат управлялось городом Хурри, в то время как около начала XV в. власть над государством Ханигалбат захватила, очевидно, страна Митанни со столицей Вассуганни (вероятно, нынешнее Рас эль-Айн у реки Хабур). Мы видим, что в договоре, заключенном в начале XIV в. между хеттским царем Суппилиумой и царем Маттивазой из Митанни, призываются в свидетели договора также арийские и, в частности, индийские божества Митра, Варуна, Индра и Насатия. Без сомнения, эти божества почитались в государстве Митанни. С этим согласуется и то, что имена царей из Митанни и Хурри носят индоевропейский характер. Так, например, два царя из Митанни и Хурри носят имя Артатама, что (по Порцигу) приблизительно соответствует индийскому Рта-д'ама, т. е. «имеющий место в святом законе». Имя митаннийского царя Тушратта соответствует, может быть (по Шефтеловицу), индийскому Дусрадд'а, т. е. «тот, которого трудно преодолеть». Но не только цари митанниско-хуррийской династии, но и целый ряд властелинов Сирии и Палестины того времени, знакомых нам по амарнской переписке, носят имена явно индоевропейского характера. Затем в надписях из Богазкеоя упоминается особый слой населения, называемый мариянни, в котором мы должны видеть своего рода военное дворянство и властвующую касту. Эти мариянни устроены, с одной стороны, в стране Митанни и, вероятно, и Хурри, и с другой стороны—в сирийских княжествах, находившихся под влиянием государства Митанни. В мариянни имели главную опору сирийско-месопотамские князья в своих военных предприятиях. Уже Винклер сравнил мариянни с ведским *мариа*—«молодой человек, герой». Династии из Хурри-Митанни и из Сирии, вероятно, тоже происходили от мариянни. Цари Митанни и Хурри, вероятно, вознаграждали своих офицеров за их верную службу тем, что отдавали им во владение сирийско-палестинские города.

Дальнейшими доказательствами существования в то время индоевропейцев, в частности индусов, в Месопотамии являются обозначения чисел, которые я (и одновременно со мной Иенсен) нашел в некоторых хеттских текстах, рассказывающих о коневодстве и дрессировке скаковых лошадей. Это—знаменитый учебник Киккула из Митанни, в котором встречаются технические выражения для гонок на колесницах, явно индийского проис-

хождения. Так, например, *аикавартанна* «один поворот» соответствует индийскому *ека* — «один» и *вартанам* — «поворот»; затем *панзавартанна* «поворот пять раз» (ср. индийское *панса* — «пять»); затем *аттавартанна* «поворот семь раз» (ср. с индийским *sapta* — «семь») и т. д. Этот учебник показывает, что в Митанни было и индийское население и что это индийское население было учителем хеттов и других древних восточных народов по коневодству и гонкам на колесницах, которые индусы так любили. Вообще очень возможно, что лошадь была привезена прежде всего арийцами к концу III тысячелетия до н. э. в Переднюю Азию, где ее до тех пор почти не знали. Язык этих месопотамских индоевропейцев находится в определенной связи особенно с языком древних индусов, как показывает, например, вышеупомянутое число *аика* — «один».

Из всего этого следует, что, вероятно, в первой половине II тысячелетия до нашей эры в Переднюю Азию проник индийский народ, овладевший Северной Месопотамией, государствами Хурри и Митанни, а позднее и Сирией и другими областями. Здесь возникает вопрос, как эти месопотамские индусы назывались. Надписи из Богазкеоя нам не сообщают никакого имени для этого народа. Я сам придерживаюсь того мнения, что их, может быть, следует называть Митанни. До сих пор, правда, митаннийским называли тот язык, на котором написано письмо митаннийского царя Тушратты, но этот язык почти тождествен с хуррийским, и, вероятно, его и следует так называть. Страна Ханигалбат делилась на две страны: Хурри и Митанни. Страна Хурри была так названа по своей столице Хурри. Происхождение имени Митанни остается неустановленным. Так как в текстах нигде не встречается название города Митанни, я склонен предположить, что это название — э т н и ч е с к о г о происхождения, т. е. что им первоначально назывался народ, по которому потом была названа вся страна. Нетрудно поэтому отнести это имя ко второму народу стран Хурри—Митанни, название которого нам еще недостает. Более старая форма имени Митанни—это форма Маитени, которая теперь встречается в новооткрытых надписях из Керкука. Каким образом эта часть индийского народа в Месопотамии получила название Маитени, Митанни, пока еще остается загадкой. Также название их столицы Вассуганни, которую они основали около Рас-эль-Айна, повидимому, индийского происхождения. Интересно, кроме того, что царь Митанни, Тушратта, который с Египтом переписывался обычно на вавилонском языке, одно из своих писем в Египет написал на хуррийском языке. Из этого можно заключить, что и в царстве Митанни коренной, хуррийский язык был государственным языком, и что поэтому индоевропейцы в этом государстве составляли лишь тонкий верхний слой.

Кроме хаттского, луйского, неситского и хуррийского языков, в надписях из Богазкеоя упоминается еще язык палаумнили, т. е. палайский, на котором возносили молитвы к богу Зибарва. Эти молитвы в текстах из Богазкеоя никогда не цитируются, так что мы об этом языке ничего определенного сказать не можем. Форрер опубликовал два очень маленьких фрагмента, которые, кроме имени бога Зибарва, содержат несколько слов на неясном языке; но при этом не имеется указания, что эти слова сказаны на палайском языке, так что остается большим вопросом, имеем ли мы здесь дело с этим языком. Эти несколько сохранившихся слов производят впечатление смешанного хуррийско-луйского языка.

Очень интересно то, что, повидимому, в надписях из Богазкеоя упоминаются также древние греки, а именно под названием Аххиява или

Аххия, которое Гёце и Форрер приравнивают к греческому *Ἀχαια*. Правда, здесь идет речь о стране в Малой Азии, а не о европейской Греции, как это утверждал Форрер. К сожалению, данных, имеющих в текстах, недостаточно, чтобы точно определить положение Аххиявы в Малой Азии. Эту страну искали то в Западной Киликии, то в Памфилии, то на Родосе, то поблизости от острова Лесбоса. Несомненно, эти старейшие малоазийские ахейцы были сильно смешаны с малоазийскими элементами. Возможно, впрочем, что еще догреческий народ лелегов упоминается в хеттских надписях под именем Лулахху, что, вероятно, значит «варвары». Наконец, я хотел бы еще кратко упомянуть о том, что хеттские надписи, кажется, вносят много нового и в этрусский вопрос. Теперь намечаются новые связи между этрусским языком и недавно открытыми малоазийскими языками. Кажется даже, что этрусские божества Кулсанс и Кулсу происходят от хеттских богов-хранителей Кулсес. Это обстоятельство подтвердило бы старое предположение, что этруски пришли из Малой Азии в Италию. Но вопрос этот требует изучения.

Лишь в краткой, сжатой форме я мог здесь изложить главные результаты хеттологических исследований, поскольку они были получены благодаря расшифровке хеттской клинописи. Но я думаю, что и из этих поверхностных сведений можно видеть, сколько нового внесли находки в Богазкее и расшифровка клинописного хеттского языка в древнюю историю—не только Малой Азии и соседних стран, но и в историю древнейших индоевропейцев.

